

Канси открыл глаза. Расшитый пятикогтевыми драконами полог над головой показался ему чужим и смутным. В сознании шевельнулось глухое недоумение: разве он умер не в Чанчуньюане, завершив земной путь и передав трон Старому Четвёртому? Где он теперь?

Попытка разобраться сняла невидимую печать с чужого разума. Воспоминания прежнего владельца тела хлынули неудержимым потоком. Этот мысленный шквал был столь яростным, что даже железная воля покойного богдохана едва уберегла его от крика. Новое тело мгновенно пробила дрожь, кожа покрылась липкой испариной.

Он долго лежал, зажмурившись, пока перед внутренним взором проносились сорок лет чужих вёсен и осеней. Упорядочив этот сумбур, император вновь открыл глаза. Лицо его потемнело от гнева: он оказался в теле собственного внука Хунли!

Хунли, этот безмозглый сумасброд, умудрился наплодить бастардов на стороне, да ещё и позволил девке явиться прямо во дворец! Разбаловал её так, что теперь вся Поднебесная судачит! Мало того — потащил незаконнорождённую на священный обряд поклонения Небу!

«Хунли, ничтожество... — закипала в душе Канси ярость. — И как только у меня язык повернулся назвать тебя достойным наследником?»

Ли-таи, склонившись над постелью, сосредоточенно щупал пульс, стараясь не поднимать глаз. Стоявший же позади него Гао Хайчжэнь незаметно сжал мелко дрожащие кулаки. Ему показалось, или исходившая от императора властная, давящая аура стала куда тяжелее? И почему эта величественная суровость казалась столь до боли знакомой?..

Хотя недуг третьего принца Юньчжана наконец отступил, слуги в его поместье отнюдь не спешили радоваться. В дальних углах двора нет-нет да и раздавался злобный, едва слышный шепоток:

— И чего только не сдох?..

Впрочем, очень скоро праздные разговоры сменились могильным ужасом. Стоило Юньчжану услышать за спиной пересуды, как он без тени сомнения приказал забить болтливых холопов палками прямо посреди двора — насмерть. Прежде робкий, осторожный и мягкий нравом принц словно переродился. От него веяло такой леденящей душу властью, а взгляд, устремлённый на челядь, стал настолько холодным, будто он смотрел не на людей, а на груды безжизненных тел.

Притихшие слуги безропотно падали ниц при его приближении, содрогаясь от мысли: «Всё-

таки он императорский сын... Какая же безжалостная, звериная жестокость!»

Четвёртый принц Юньчэн пришёл в себя внезапно. Едва разомкнув веки, он окинул спальню испепеляющим взглядом. Пропедев сквозь зубы пару коротких вопросов, он тут же выставил всех вон, оставив супругу в полном смятении топтаться у закрытых дверей.

Когда дверь наконец распахнулась, Юньчэн даже не обрадовался известию о том, что его младший брат пошёл на поправку — лишь безучастно кивнул и велел немедленно запрягать экипаж. Жена попыталась было вставить слово, удержать его от поспешной поездки, но наткнулась на такой антрацитово-чёрный взгляд, что слова застряли у неё в горле. Оцепенело проводив мужа до ворот, она смотрела вслед удаляющейся карете, чувствуя, как душу стискивает липкий, необъяснимый страх.

Шестой принц Юньжун, как и прежде, не сходил с лица улыбкой, но в самом его облике появилось нечто новое, неуловимо грозное.

Дворцовая челядь шушукалась, радуясь небывалой снисходительности господина, и лишь его личный слуга обливался холодным потом. Спрятанные за пазухой свитки жгли ему грудь, точно раскалённое железо. «Куда это господина сегодня понесло? — содрогался парень от ужаса. — Пусть мы караулили поодаль, но ведь те люди... к ним же приличный человек и близко подойти побоится! Все десятой дорогой их обходят, а наш разудалый принц сам к ним напросился. Уж не с перепою ли? Да ещё и велел раздобыть эти полузапретные книги... О Небо, пусть хозяин скорее протрезвеет!»

Юньжун прекрасно понимал, что его сегодняшние действия переходят все границы дозволенного, но совладать с собой не мог. Взглянув на бледного, едва не плачущего слугу, он смягчился — парень ведь предан ему душой. Принц негромко успокоил малого и выставил из кабинета.

Оставшись один, он нетерпеливо раскрыл принесённый трактат. Спешно листая страницы с конца к началу, он судорожно выискивал нужные строки. Наконец, у самого начала свитка, его взгляд зацепился за искомое. Юньжун оцепенел. Он долго сидел неподвижно, уставившись в одну точку, после чего горько, обречённо усмехнулся и спрятал запретную книгу в тайник за стеной.

Подойдя к зеркалу, шестой принц несколько минут молча изучал своё отражение. Затем резко развернулся, распахнул дверь и звучно скомандовал:

— Ли Фу! Седлай коня, я выезжаю!

Иньчжэнь разомкнул веки и ошеломлённо уставился в незнакомый потолок. Что с ним стряслось? В памяти смутно всплывала резкая, удушливая боль в груди, клубы наползающего чёрного тумана... А потом ему явились силуэты тех, кто уже давно не тревожил его сны. Они стояли спиной к нему. Он потянулся к груди, желая нащупать заветный нефрит, чтобы показать его отцу и братьям, чтобы вернуть утерянное родство, но призрачные тени растаяли без следа.

Пальцы судорожно сжались, и вдруг он ощутил под ладонью живое, мягкое тепло. Чья это рука?

Тот, кого он держал, сонно заворочался, слабо выдохнув сквозь сон:

— Четвёртый брат...

Голос был чужим, но эта сонная, мягкая интонация мгновенно отозвалась в душе Иньчжэня щемящим узнаванием. Он резко повернул голову. Он увидел затуманенные сном глаза.

— Тринадцатый? — сорвалось с его губ.

В ту же секунду в голове оглушительно зазвенело, и лавина незнакомых образов и воспоминаний обрушилась на его разум, заставляя виски взрываться болью.

Иньсян широко распахнул глаза. Только что он засыпал в собственной усадьбе... Откуда здесь этот ребёнок лет восьми-девяти, называющий его «Тринадцатым»? Но взгляд этого мальчика... Он был слишком знаком.

У Иньсяна защипало в глазах. Смахнув набежавшую слезу, он хрипло выдохнул:

— Четвёртый брат...

Тут его взгляд упал на собственную ладонь. Детские пальцы, крошечные суставы... Это он? Иньсян оцепенел от изумления.

Приглушив нахлынувшие чувства, Иньчжэнь посмотрел на ошеломлённого брата. В этой хрупкой детской фигурке сейчас трудно было разглядеть бывшее величие благородного князя И, но глаза... эти глаза повидали слишком много на своём веку.

Слабо, измученно улыбнувшись, Иньчжэнь негромко произнёс:

— Тринадцатый, вспомни, кто ты теперь.

Иньсян послушно закрыл глаза. В его сознании словно прорвало плотину — воспоминания прежнего владельца тела хлынули плотной чередой образов. Сам он оставался лишь сторонним наблюдателем, созерцающим короткую и пустую жизнь этого чужого дитя.

Снова открыв глаза, Иньсян посмотрел на Иньчжэня и вдруг светло, по-детски искренне улыбнулся:

— Четвёртый брат, в этой жизни мы с тобой — родные братья!

Услышав эти слова, Иньчжэнь не выдержал и тепло, искренне рассмеялся, крепче сжимая ладонь брата.

Немного успокоившись, Иньсян велел слугам войти, отправить гонца за лекарем и принести горячей рисовой каши. Обоим братьям теперь предстояло выдержать визит всполошившейся Шу-фэй, благородной супруги Шу, которая примчалась в их покои, едва прослышав о беде.

Императорский лекарь Гао только-только переступил порог Медицинской палаты, как туда ворвался запыхавшийся евнух с требованием немедленно явиться к одиннадцатому принцу. Гао Хайчжэнь помедлил секунду, оценивая обстановку, но в итоге молча двинулся следом за двумя коллегами.

Мастерством Гао Хайчжэнь превосходил многих при дворе, однако, не желая соваться в грязные тайны Запретного города, он всякий раз сознательно принижал свои умения. Он утаивал добрую треть знаний, выписывая простые, неприметные рецепты. Но уберечься от чужой зависти не удалось: малейшая оплошность — и придворный лекарь оказался на крючке. Им умело манипулировали. И пускай за ниточки, казалось, дёргала всего лишь безродная наложница-гуйжэнь, кто мог поручиться, что за её спиной не стоит фигура куда более грозная?

В те дни он метался по своему кабинету, едва не седея от страха, пока на пороге не возник таинственный гость. Не тратя времени на вежливые приветствия, визитёр молча положил на стол небольшой узел. Лекарь долго не решался прикоснуться к нему, но, когда дрожащие пальцы развязали ткань, внутри оказались те самые фальшивые улики, способные погубить всю его семью. Поражённый Гао Хайчжэнь поднял на гостя ошеломлённый взгляд.

Гость лишь тонко, вкрадчиво улыбнулся:

— Господин Гао, в этих стенах у каждого должен быть покровитель. Таких упрямцев, как вы, мне ещё встречать не доводилось. Мой хозяин ценит ваш талант. Ему нужно лишь, чтобы вы приглядывали за здоровьем нескольких важных особ, и пачкать руки кровью вас никто не заставит. Когда же те трое станут расспрашивать вас, говорите им правду... но лишь на семь долей из десяти. Взамен мой господин обещает, что вы доживёте до седин и с почётом уйдёте на покой.

Лекарь хоть и отличался гордостью, но глупцом не был. Поняв, что сделка не идёт вразрез с его врачебной клятвой, он недолго думая принял эти условия.

С тех пор его жизнь потекла мирно. Изучая изо дня в день записи о здоровье императрицы Нала и двенадцатого принца Юнцзи, Гао Хайчжэнь долгое время пребывал в уверенности, что его тайным покровителем является сама владычица дворца Икунь. Лишь недавно он с удивлением осознал, как сильно заблуждался. Тот, кто стоял за его спасением, оказался совершенно неожиданной фигурой.

«С августейшими особами нельзя мерить жизнь привычной меркой», — мысленно усмехнулся лекарь, качая головой. С тех пор он не сводил внимательного, полного тайного любопытства взгляда со своего истинного господина — малолетнего Юнцзи.

Несколько мимолётных встреч и туманные слухи не помогли ему разгадать загадку этого дитя. Но в тот день, когда маленький принц, задрав голову, снисходительно похвалил его, Гао Хайчжэнь ощутил непреодолимое, почти священное желание пасть ниц. Должно быть, именно этот трепет и заставил его беспрекословно принять последний, весьма странный приказ из дворца.

Сперва требование выведывать, не изменился ли кто из высочайших особ в характере или повадках, казалось ему нелепой причудой. Теперь же лекаря прошиб холодный пот: похоже, он невольно прикоснулся к тайне государственного масштаба.

Услышав от лекарей, что одиннадцатый принц вне опасности, Шу-фэй облегчённо вздохнула. Наделив лекарей щедрыми дарами, она велела слугам немедленно заварить целебное снадобье, а сама присела на край постели. Негромкий разговор с сыном вскоре прервал зашедший восьмой принц Юньсюань. Тот мягко, но настойчиво намекнул матушке, что больному нужен покой, и та сразу всё поняла: братьям нужно поговорить с глазу на глаз.

Шу-фэй давно уже смирилась с упрямой реальностью. Пускай одиннадцатый принц воспитывался под её крылом, у него оставались двое родных братьев от одной матери. Мальчик в свои годы уже отлично всё понимал, и навязывать ему материнскую любовь силой было делом пустым и неблагодарным. Ей достаточно было просто исполнять свой долг — в конце концов, когда принц вырастет, он всё равно обязан будет заботиться о её старости. Ласково потрепав Юнсяна по плечу и сказав на прощание несколько тёплых слов, благородная супруга удалилась в свои покои.

Как только за Шу-фэй закрылись двери, Инсян отослал прочь прислугу. Пользуясь памятью прежнего хозяина тела, он первым делом велел отправить вестника в усадьбу Юньчэна, чтобы успокоить старшего брата известием о выздоровлении. Оставив на часах у дверей лишь двоих преданных слуг, братья наконец-то смогли остаться наедине.

Вдоволь наговорившись о былом, двое зрелых мужей, запертых в телах малолетних детей, неизбежно перешли к делам государственным.

— Четвёртый брат, — тихо спросил Иньсян, подавшись вперёд. — В этот раз... ты станешь бороться за престол?

—... Тринадцатый, — после долгого молчания отозвался Иньчжэнь, запнувшись на привычном «мы». — Дай мне время подумать.

Помедлив, он пытливо взглянул в глаза брату и негромко добавил:

— А сам ты? Неужели у тебя в душе ничего не шевельнулось при мысли о троне?

Иньсян лишь безмятежно улыбнулся:

— Даже не будь тебя рядом, брат, я бы и не подумал заявлять права. В конце концов, у этого тела с рождения не всё ладно с ногами. Пускай слухи и преувеличивают тяжесть недуга, но для великих дел калека не годится.

Иньчжэнь потянул брата за рукав и подвинулся глубже к стене:

— Ты всю ночь просидел у моей постели. Скидывай сапоги, ложись рядом.

Тот не стал отнекиваться. Сбросив расшитые туфли и тяжёлый верхний халат, Иньсян устроился на мягких подушках бок о бок с братом.

Оба замолчали, глядя в расшитый драконами потолок. И каждый из них думал об одном и том же, так и не решаясь облечь свой главный страх в слова:

«Неужели в этот мир переродился кто-то ещё из наших?..»

<http://bllate.org/book/18338/1862723>